

Глава 9. Упущенное

Я, конечно, ума не мог приложить, к чему он клонит. Но тоска, которой сейчас так и веяло от Чжун Бочэня, заставила мое собственное сердце испуганно затрепетать. Пока мы стояли вот так, обнявшись, мои похороненные в самом пыльном углу сознания сценаристские повадки вдруг подали голос и подкинули одну невероятную догадку.

Неужели он в меня влюблен?

От этой мысли меня словно обухом по голове ударили. Я поспешил отогнать ее, но другого объяснения придумать так и не смог. Ни способностей у меня, ни опыта — жизнь гроша ломаного не стоит. Да, посчастливилось родиться в императорской семье, но в душе-то я оставался всё тем же никчемным заложником, неспособным держать удар. А Чжун Бочэнь? Красив, одарен, одним словом вершит судьбы при дворе — пред ним каждый шапку ломает. Его гордый, независимый нрав никак не вязался с ролью несчастного влюбленного второго плана, которую я прописал в своем черновике.

Неужели я сам, собственной писательской волей, насильно навязал ему эти чувства?!

Это вполне объясняло происходящее. От такой мысли мне сделалось невыносимо стыдно перед ним, и в то же время я почувствовал к Бочэню глубокую жалость.

Я вздрогнул. Чжун Бочэнь прижал меня к себе чуть крепче, но осторожно, стараясь не задеть рану на животе. Под его прерывистое, горячее дыхание ко мне наконец вернулся рассудок.

— Что всё это значит, господин Великий канцлер? — тихо спросил я.

Он и не думал выпускать меня из объятий. Напротив, склонился к самому моему уху, обжигая дыханием:

— Ваше Высочество до сих пор носит при себе ту нефритовую подвеску, что я подарил вам... Неужели вы так и не поняли ее смысла? Или... вы всё знаете, но ваше сердце холодно ко мне?

Так это он мне ее подарил?!

Меня прошиб холодный пот. Я принялся неловко хлопать его по спине, заикаясь от волнения:

— Я... я не знал, что это твой подарок... Думал, Матушка-императрица оставила перед моим отъездом, на память...

— Ваше Высочество, господин Великий канцлер. Генерал Вэй просит дозволения войти, — неожиданно раздался из-за двери сухой голос Суй Чанчжи.

Чжун Бочэнь мгновенно отпустил меня. От такой резкости я едва не полетел кувырком на пол, но он успел подхватить меня за талию и бережно усадил обратно.

В один миг он преобразился. Как ни в чем не бывало Чжун Бочэнь отступил на несколько шагов назад, к самой середине комнаты, и замер в вежливом поклоне. На душе у меня сделалось пусто и тоскливо, но медлить было нельзя.

— Пусть войдет, — велел я Сюй Чанчжи.

Генерал Вэй ворвался в покои вихрем. Едва успев выкрикнуть: «Ваше Высочество!», он наткнулся взглядом на стоявшего тут же Чжун Бочэня. Слова тут же застряли у него в горле, и генерал принялся отчаянно подмигивать мне, делая страшные глаза.

Я прекрасно понимал, что дядя Вэй не доверяет канцлеру. Но я не мог позволить себе сомневаться в нем. «Раз уж нанимаешь человека — доверяй ему, а не доверяешь — не нанимай», — эту простую истину я усвоил твердо.

Похлопав по постели рядом с собой, я дружелюбно улыбнулся:

— Присаживайтесь, дядя Вэй. Господину Великому канцлеру уходить не нужно.

Генерал укоризненно покачал головой, безмолвно жуя меня за неразумность. Я же сделал вид, что ничего не замечаю. Чжун Бочэнь слегка опустил голову, и едва заметно улыбнулся. От этого мимолетного знака мне и самому почему-то стало теплее на душе.

Ухватив дядю Вэй за рукав, я спросил по-простому:

— Ну, рассказывайте, что стряслось?

— Да вот пришел спросить... когда на трон восходить думаете? — Генерал утер со лба обильный пот и размашистым, бесцеремонным жестом стряхнул его прямо на ковер.

От такого вопроса я аж руками замахал:

— Дядя Вэй, вы что, с утра пораньше хмельного перебрали?! Я же ясно сказал: не бывать мне императором. Кому, как не вам, знать, какой из меня правитель!

— А-У, такова была последняя воля покойного государя. Ты не можешь допустить, чтобы твой державный отец ушел в мир иной с беспокойной душой! — сурово возразил генерал.

Я не выдержал и горько усмехнулся:

— Последняя воля? Отец при жизни едва ли помнил, что у него вообще есть такой сын, как я. Откуда взяться этой воле?

— А-У! Государь... у него были на то причины... ты просто не знаешь... — Генерал запнулся, так и не найдя нужных слов.

Я лишь укрепился в своих подозрениях — старик просто пытается мной манипулировать.

— Ладно вам, дядя Вэй, не шумите. Какая разница, кто займет трон? Шестой брат еще слишком мал и глуп, так что я побуду при нем помощником государства, помогу навести порядок. А как найдете достойного человека — я сразу уступлю место, — примирительно проговорил я и шутливо ущипнул генерала за его могучее предплечье, твердое как дубовый ствол. — Дядя, ну и силища же в вас!

— Ах, Ваше Высочество... — Вэй Чэн с досадой хлопнул себя по колену. — Государство без императора — разве это государство?!

Мне до смерти хотелось сказать ему, что спустя тысячи лет люди прекрасно будут обходиться без всяких императоров и жить при этом сыто и счастливо. Но я промолчал — побоялся, что меня окончательно сочтут сумасшедшим и заставят пить горькие отвары лекаря Шангуаня.

В этот момент Чжун Бочэнь сделал шаг вперед:

— Ваше Высочество, слова генерала Вэя — вовсе не пустой звук. Известно ли вам, почему покойный государь повелел поселить вас именно в Зале Благородного сияния?

— Нет... — растерянно признался я.

Какая разница, где спать? Все эти дворцовые покои похожи один на другой как две капли воды. Разве что Зал Благородного сияния самую малость просторнее остальных.

— В нашем государстве из рода в род лишь наследники престола удостоены чести жить в этих стенах. Сам усопший император в бытность свою наследным принцем занимал именно этот зал. «Цзяминь» — Благородное сияние. Покойный повелитель нарек его так в надежде, что поступки ваши будут благородны, а разум — чист и глубок, точно зеркало.

Слова Бочэня эхом отозвались у меня в голове, взбудоражив мысли. В моей памяти отец остался суровым, холодным воином, который всю свою жизнь провел в седле и походах. Он никогда не ласкал меня, не держал на руках. Изредка вызывал к себе, чтобы сухо расспросить об успехах в учебе, проверить прочитанные свитки. Мы даже ни разу не сидели за одним столом. Когда его не стало, я с ужасом понял, что даже лица его толком не помню.

Я всегда был послушным мальчиком. Учил то, что велели наставники. Особых талантов к

изящной словесности или музыке у меня не водилось, поэтому учителя не мучили меня стихами, а заставляли день за днем корпеть над искусством войны и «Каноном императоров»...

«Так вот оно что...» — потрясенно подумал я.

В самом деле, почему из всех братьев одну лишь эту занудную книгу вколачивали в мою голову с утра до вечера? Почему только меня дядя Вэй забирал из душного дворца и возил с собой в лагерь?

— Ваше Высочество, неужели вы позабыли, что я говорил вам тогда, много лет назад? — В глазах генерала вспыхнул такой горячий, преданный огонь, что я невольно погрузился в воспоминания.

Тогда мне казалось, что отцу просто лень возиться с малым дитятей, вот он и сплавил меня на попечение верного соратника. Мы с Вэй Юньланом, сыном генерала, были сверстниками. Но дядя Вэй всегда усаживал в седло меня, а собственного сына заставлял вести коня под уздцы. Я сидел высоко, дергал поводья и весело покрикивал, а генерал добродушно хохотал, придерживая меня за плечи, и приговаривал:

«Смотрите, Ваше Высочество... Вот они — ваши воины. Вот она — ваша земля...»

Моя?..

У меня предательски защемило в носу. Захотелось разрыдаться, глупо и безутешно, прямо как в детстве. Я никак не мог заставить себя поверить, что тот безжалостный человек, который без колебаний отправил меня заложником в чужую страну, мог тайно лелеять подобные надежды. Я ведь никогда не грезил о короне. Всё, чего я хотел — чтобы отец хоть раз ласково взглянул на меня, улыбнулся, когда я прихожу выразить почтение. Но улыбок я не видел. Матушка-императрица тоже никогда не дарила мне тепла. Мне казалось, она презирает меня за то, что я во всем уступаю шестому брату — не умею слагать изящные вирши, путаюсь в исторических хрониках. Шестой брат рос любимцем: бойкий на язык, хитрый, ласковый. Стоило ему войти, как Матушка-императрица расцветала. А я лишь стоял истуканом и мог вымолвить только:

«Матушка-императрица, на улице холодает. Наденьте плащ потеплее».

Увы, согреться в этом дворце суждено было всем, кроме меня. Матушка-императрица видела в младшем сыне свое солнце, а во мне — лишь досадную обузу. В день, когда меня отправляли в чужие земли на верную гибель, отец стоял у ворот молчаливой каменной глыбой. Я отвесил ему три земных поклона, поднялся с колен и стал оглядываться в поисках матери, чтобы проститься и с ней. Но ее не было. Шестой брат с ехидной ухмылкой шепнул мне, что Матушка-императрица изволит слушать оперу в своих покоях и просила ее не беспокоить.

А потом Чжун Бочэнь всунул мне в руку ту подвеску. Она была такой тонкой работы, что я принял ее за женское украшение. И глупо утешал себя мыслью, что Матушка-императрица

всё-таки вспомнила обо мне перед вечной разлукой, оставила этот скромный оберег.

И теперь, спустя столько лет страданий, вы приходите и заявляете, будто я был любимцем?!

В груди вскипела глухая, детская обида. Я резко оттолкнул генерала:

— Убирайтесь! Вон отсюда!

Дядя Вэй опешил. Заметив, как я отчаянно пытаюсь сдержать злые слезы, он порывисто шагнул вперед, намереваясь крепко сжать меня в своих медвежьих объятиях. Но я упрямо вырывался, колотя его кулаками по груди:

— Если вам плевать на меня — так не лезьте в мою жизнь! Зачем сначала бросать, а теперь требовать чего-то?! Когда меня увозили, никто и пальцем не шевельнул, чтобы оставить! А теперь я вернулся — и вы давите, душите меня этой короной!

— А-У, сынок... у нас не было выбора... — Генерал покорно терпел мои удары, позволяя мне размазывать слезы и сопли по его расшитому золотом воротнику.

— Ваше Высочество. Полагаю, в ту пору покойный государь отчетливо понимал: с той войны он может не вернуться, — тихо произнес Чжун Бочэнь. Он опустился на колени у самого края ложа и осторожно коснулся моих ладоней. — Оставить вас во дворце значило отдать на растерзание вдовствующей императрице. Спасти вас можно было, лишь отослав как можно дальше.

— Ложь! Всё это пустые оправдания! — Я зажал уши руками, не желая ничего слушать. — Если он так пекся обо мне, почему за все эти годы не прислал ни единой весточки?! Почему не написал, что любит, что ждет? Почему оставил меня один на один с тоской, заставляя каждую ночь слушать, как бесконечный дождь бьет по карнизу до самого рассвета?!

Пусть Матушка-императрица была ко мне холодна — я всё равно тосковал по ней. Пусть отец ни разу не удостоил меня ласковым словом — я продолжал чтить его. Без всяких причин, просто потому, что они были моими родителями.

До сих пор помню, как однажды мы прогуливались с Ли Цином по императорскому саду и встретили дочь одного высокопоставленного вельможи. Она притворно охнула, посетовав на мою бледность, а затем с ядовитой улыбкой бросила: «Разнежился гость под теплым южным ветром, точно пьяный гуляка, позабыл родной край...»

Мне хотелось выть от бессильной ярости. Тварь сытая, легко рассуждать, когда сама не сидишь на цепи! Будь я весел — меня назвали бы бесстыдным предателем, забывшим родину. Будь я мрачен — сочли бы затаившим злобу хищником. Я был кругом виноват, и вся моя гордость давно осталась там, на чужих садовых дорожках. Я растоптал собственное достоинство ради

того, чтобы просто выжить, а теперь вы заявляете, что я — благословенный наследник великого царства?!

Оставьте меня. Какое теперь это имеет значение?

Я ведь всего лишь автор этой нелепой пьесы! Настоящий царевич Цэнь Юэ, должно быть, испустил дух в дорожной пыли за день до того, как за ним пришли спасители — пал от руки наемников Ли Цина. А я — просто самозванец, занявший пустую оболочку. Он был лишь жалкой поденкой, не сумевшей перелететь великое море жизни. А я — никчемный шут, укравший его имя и судьбу.

Взмах пера — и на бумагу ложатся тысячи слов о хмельной жизни в грезах; шаг в пьесу — и среди бесконечных речей проживаешь сладкую смерть...

От нахлынувшего бессилия я сам не заметил, как провалился в тяжелый, душный сон. Сквозь дрему я почувствовал, как дядя Вэй бережно прижимает меня к себе — точно так же, как в детстве, когда я расшибся, упав с лошади, и он, бледный от страха, нес меня во дворец. Его грудь была жесткой как панцирь, но такой теплой...

Очнулся я глубокой ночью. Тело горело, простыни взмокли от холодного пота. У постели тихо сидел Лу Цзюань. Заметив, что я открыл глаза, он тут же суетливо зашептал, предлагая целебной воды.

— Вели закладывать экипаж, — прохрипел я, с трудом приподнимаясь на локтях. — Я еду к императорским гробницам.

Лу Цзюань принялся испуганно лепетать, что мне с моими ранами категорически нельзя вставать, но я упрямо спустил ноги на пол и побрел к выходу, волоча туфли. Видя мою непреклонность, евнух бросился звать Сюй Чанчжи, и вскоре тот уже вез меня в сторону погребальных холмов.

Императорские гробницы встретили меня безмолвным величием. Темный камень, выбеленные временем плиты, холодный ночной ветер...

Вглядевшись в полумрак у одного из надгробий, я заметил одинокую фигуру. Человек стоял на коленях, прямой и отрешенный, словно бледный месяц среди ночных туч.

Чжун Бочэнь. Он знал, что я приду.

Поднявшись с колен, Великий канцлер медленно подошел ко мне. Из широкого рукава своего белого одеяния он бережно достал лакированную шкатулку и, опустившись на одно колено, протянул ее мне на раскрытых ладонях:

— Покойный государь велел передать это вам, когда придет срок.

Дрожащими пальцами я приоткрыл крышку. Внутри лежал лишь скромный бумажный листок. Я перевернул его и оцепенел. На меня смотрели размашистые, твердые иероглифы:

«Сын мой А-У».

Это имя... Меня так звала только покойная кормилица, и я всегда думал, что это ее домашнее прозвище для непутевого барчука.

Оказывается, отец тоже звал меня так?

Слезы снова застелили мне глаза. Ниже тянулся список из семнадцати имен. Начиная от верховного генерала Вэй Чэна и Чжун Бочэня, заканчивая министром ритуалов Пань Лэсином. Последним в списке значился Сюй Чанчжи.

«Лишь этим семнадцати мужам можешь безбоязненно вверить судьбу государства. Рассчитывай свои силы, сын мой. И да пребудешь ты отныне в здравии и покое, не ведая ни бед, ни горестей».

И всё. Больше ни слова.

Я стоял, тупо уставившись на помятый листок, и сознание мое отказывалось верить в происходящее. Неужели это правда его почерк? Наш суровый, расчетливый государь оставил столь нежное послание своему никчемному отпрыску?

В моем первоначальном сценарии не было ничего подобного. Цэнь Юэ за всю жизнь ни разу не навестил могилу отца, всякий раз ссылаясь на недуг во время поминальных обрядов. И Чжун Бочэнь так и не дождался того самого «подходящего момента», чтобы отдать шкатулку.

Ошибки в обидах, ошибки в доверии, упущенное время.

Ошибка.

Всё было одной сплошной ошибкой.

Всё вокруг казалось фальшивкой. И этот мир, и я сам. Ведь истинный царевич Цэнь Юэ должен был сдохнуть как бродячий пес в грязной подворотне, всеми забытый и презираемый.

Потому что я ненавидел его. Не отца, не коварного Ли Цина — я ненавидел саму суть трусливого принца Цэнь Юэ, которого создал на бумаге.

Я простоял на пронизывающем ветру до самого рассвета. Чжун Бочэнь набросил на мои плечи свое теплое суконное одеяние и умолял вернуться в тепло, но я упрямо стоял на коленях перед холодным камнем, пока первые лучи солнца не окрасили небо в багровый цвет. К утру меня затрясло в лихорадке. Бочэнь бережно перенес меня на руках в повозку, и пока колеса глухо постукивали по дорожным камням, в полузабытьи меня вдруг осенило. Я наконец разгадал загадку прекрасной девы из моих грез.

Я и есть Цэнь Юэ. И тот жалкий бумагомаратель, запутавшийся в собственных фантазиях, и несчастный Принц Ли — слепец, по глупости своей разрушивший жизни тех, кто был ему дорог.

Творец оказался собственной жертвой, запертой в границах придуманного ада. Мой сценарий — это моя прошлая жизнь. Просто я выпил слишком много чаш из рук госпожи Мэнпо и забыл былую боль, превратив ее в забавную сказку для досужих читателей.

Три дня я балансировал на грани жизни и смерти. Но усопший отец, видно, не пожелал принимать к себе блудного сына так рано, да и Фейя-сестрица в моем бреде лишь грустно улыбнулась и прошептала на прощание: «Береги себя».

Придя в себя, я принял Императорскую печать. Но на трон так и не сел. Объявил себя принцем-регентом, оставив прежний девиз правления. Шел девятнадцатый год эры Юнсин.

За всю свою жизнь я ни разу не осмелился поступить наперекор чужой воле. И лишь теперь позволил себе эту единственную дерзость. Верю, отец меня простит.

<http://bllate.org/book/19811/2038455>